

Жара стояла удушающая, и атмосфера в зале стала невыносимой. Толпа втиснулась в небольшое пространство, отведенное для публики. Другие зрители, не столь удачливые, остались снаружи в ожидании новостей.

Это было последнее заседание суда над Анной Вердье. Примет ли она предложение, сделанное адвокатом защиты? Будет ли она упорствовать в своей позиции, рискуя быть приговоренной к смерти?

Появилась Анна. Она выглядела как олицетворение невинности и мученицы.

— Как она прекрасна, — прошептала толпа, — какое ангельское выражение лица!

Возможно ли, чтобы она совершила преступление, в котором ее обвиняют?

И все, даже те, кто относился к ней как к притворщице, рассчитывали в последнюю минуту добиться театрального удара, чтобы доказать ее невиновность.

Не обращая внимания на вызываемые ею чувства, Анна заняла место на скамье подсудимых. Луч солнечного света, пробивавшийся сквозь полуоткрытое окно, коснулся ее светлых волос и окутал ее голову золотым нимбом.

Она была настолько красива, настолько трогательно прекрасна, что художник в первом ряду зрителей достал из кармана карандаш и ручку и начал рисовать размашистыми движениями милое лицо мученицы.

В этот момент появился трибунал. Председатель нервно открыл папку с делом, зачитал предыдущее решение суда, задал обвиняемой обычные вопросы и добавил:

— Анна Вердье, согласны ли вы пройти обследование по требованию стороной защиты?

Девушка встала, взволнованная и полная трагизма.

— Я повторяю то, что уже сказала: я никогда не приму подобного унижения!

Это заявление встретили смущенным молчанием.

— Анна Вердье, — настаивал президент, — не забывайте, что по показаниям свидетеля вы обвиняетесь в том, что утопили свою новорожденную дочь, а затем инсценировали самоубийство. Можете ли вы опровергнуть показания этого свидетеля?

— Я уже утверждала, что это заявление ложное. Я не знаю, с какой целью эта несчастная женщина ополчилась на меня. Но зачем настаивать, если мне никто не верит? Видит Бог, я была готова на все ради этого маленького существа, в убийстве которого меня обвиняют, и которому я не желала причинить ни малейшего зла.

Президент повернулся к членам суда и обменялся с ними несколькими тихими словами, затем обратился к плотному мужчине, которому мантия судьи придавала почти зловещую торжественность, и сказал:

— Слово предоставляется прокурору.

И он начал холодную, строгую, точную, непримиримую, неумолимую и непреклонную речь. Этот человек, привыкший обвинять закоренелых преступников, не был склонен ни к снисходительности, ни к жалости. Он заключил следующее:

— В надежде произвести благоприятное впечатление на присяжных, подсудимая в ходе суда приняла маску подавленной невинности. Но ее тактика не должна никого обмануть. Несмотря на юный возраст, она продемонстрировала дьявольское коварство и лицемерие.

Снимите эту маску невинности, и перед нами предстанет истинное лицо Анны Вердые: это лицо порочной и преступной девушки, детоубийцы. Она не заслуживает ничего, кроме смерти! Господа присяжные, мы должны избавить общество от столь опасного элемента — поэтому я прошу смертного приговора для преступницы.

Едва прокурор закончил свою речь, как Жерар Лэнкри, вздрогнув, поднялся.

— Джентльмены, судьи, господа присяжные, — начал он, — против обвиняемой, как я уже говорил, есть только один свидетель: цыганка Мария. Расследование показало, что эта женщина не испытывает никакого другого удовольствия, кроме как сеять зло вокруг себя. Я утверждаю, что ее заявление является ложью, и прошу не принимать его во внимание. Несомненно, она безжалостно ненавидит этого несчастного ребенка.

Президент жестом прервал адвоката.

— Ваше утверждение, господин адвокат, не имеет смысла... если вы не приведете убедительных доказательств ложности показаний свидетеля.

— Я оставляю за собой право доказать это в кратчайшие сроки.

— Суд не может повторно предоставить отсрочку. У обвиняемой нет других средств защиты, кроме уже предложенных.

— Анна Вердые, я призываю вас согласиться, — воскликнул адвокат. Прислушайтесь к совету господина президента. Не жертвуйте жизнью ради собственных чувств, которые мы уважаем в первую очередь! Согласитесь, чтобы дать понять, что выдвинутое против вас не обоснованно.

Анна лишь отрицательно покачала головой.

— Обвиняемая, — заговорил президент, — у вас есть что сказать в свою защиту?

В ответ девушка отрицательно покачала головой.

В толпе поднялся легкий ропот. Мрачное предчувствие сжало все сердца.

— Слушание объявляется закрытым! Присяжные удаляются на совещание!

Приговорена к смерти!

Собравшихся охватила дрожь ужаса. Одна лишь Анна оставалась безучастной.

Президент, посоветовавшись с членами суда, величественно поднялся и звучным голосом, который раздался в огромном зале, где царил впечатляющая тишина, твердо объявил:

— Анна Вердые, суд признает вас виновной в совершении детоубийства. Учитывая, что вы упорствовали в совершении преступления и не произнесли ни единого слова раскаяния, он

отклоняет смягчающие обстоятельства и приговаривает вас к смертной казни.

— У вас есть три дня, чтобы обратиться к Его Высочеству Христиану II, правящему принцу Сильвании, с просьбой о помиловании.

— Господа, слушание окончено.

Затем раздался такой трогательный голос, что весь зал суда содрогнулся. Это был адвокат защиты:

— Я прошу суд уделить мне одну минутку внимания! Я хочу обратиться с просьбой, которая, я знаю, будет благосклонно принята...

— Приговор вынесен, господин адвокат, — прервал его президент, — пути назад нет, и обвиняемая должна понести положенное ей наказание!

— Ну, так и будет! Я знаю, господа судьи, что для этой несчастной женщины нет спасения. Однако я не собираюсь добиваться отмены весьма сурового приговора. Но я попрошу соблюсти определенную формальность... после казни этого невинного существа.

— Странные у вас выражения, господин адвокат, — ответил президент. Что это за формальности?

— Это, несомненно, покажется вам странным. Однако я не верю, что вы откажетесь от него, равно как и в то, что осужденная женщина будет возражать против него.

Жерар Ланкри повернулся к молодой женщине и сказал с глубоким состраданием:

— Анна Вердье, раз уж я не смог сохранить вашу жизнь, позвольте мне хотя бы спасти вашу честь. Вы услышали приговор; скоро вас передадут палачу. Когда вы были живы, вы отказались подчиниться предложению, сделанному мной из лучших побуждений. Тогда я прошу вас уполномочить меня, после вашей смерти, осуществить это... Во имя справедливости, исполните мою просьбу.

Осужденная женщина сухими глазами уставилась на своего адвоката. Поскольку она не отвечала, адвокат продолжил странным взволнованным голосом:

— Анна Вердье, подумайте о своей матери! Даруйте ей это высшее утешение: когда она будет вспоминать о своей несчастной дочери, чтобы знать, что вы такой, какой всегда были...»

В этот момент печальная речь прервалась, и он добавил:

— Я не могу выразить словами, какой вы всегда были...

Затем губы несчастной женщины задрожали, две слезинки скатились по щекам, и в впечатляющей тишине комнаты она наконец ответила:

— Пусть будет так, ради моей матери... Возможно, когда она узнает... она тогда простит меня за то, что я разбила ее жизнь и что она оплакивала мои последние дни... Пусть ваше желание исполнится!

С другой стороны, я сдержала свой обет и выполнила клятву. Что будет дальше — для меня это

не имеет большого значения, когда я уже буду мертва. Пусть хотя бы моё тело послужит, чтобы доказать мою невиновность.

Жерар Ланкри вздохнул с облегчением. Теперь он не сомневался, что наконец, но увы, слишком поздно — он сможет заявить о невиновности Анны Вердые, жертвы ужасной судебной ошибки.

<http://tl.rulate.ru/book/48926/1498634>